

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

УДК 94

Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920–1930-е гг.)

Светлана Алексеевна Хубулова

Северо-Осетинский государственный университет, Россия
им. К.Л. 362025, Владикавказ, ул. Ватутина, 46
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: hubul@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется репрессивный характер взаимоотношений органов советской власти и духовенства г. Владикавказ в 1920–1930-е гг. Наиболее трагичным для церкви и верующих стал период 1920–1930-х гг., когда проходило утверждение тоталитарного режима в стране. Автор установил, что духовенство и верующие, воспринимаемые властью как очаг инакомыслия и оппозиции, подвергались преследованию. Гонения на церковь способствовали укоренению новой политической ситуации и соответствовали общей атмосфере страха, доноительства, шпиономании. Происходили подмена христианских (общечеловеческих) ценностей классовыми, уничтожение русского национального самосознания, ликвидация многих тысяч верующих.

Следствиями гонений стали гибель значительной части культурных ценностей и снижение интеллектуального потенциала общества, так как вытесненные «лишенцы» составляли значительный слой русской интеллигенции. («Лишенцы» – лица, лишённые избирательных прав.). К их числу относились не только священники, но и члены их семей, зависимые материально от служителей культа. И все же народные массы сберегли религиозное чувство, несмотря на антицерковные акции 1920–1930-х гг.

Делается вывод о стремлении советских государственных структур оказывать влияние на церковь с помощью юридической регламентации. Кроме того, рассматривается история репрессий в отношении руководства религиозных общин г. Владикавказа.

Ключевые слова: юстиция; религия; священник; арест.

Введение. Одним из источников проблем, возникающих во взаимоотношениях церкви, общества и власти, является недостаточная изученность тех или иных их аспектов в новейшей истории России, которая приводит порой к поверхностному осмыслению и некачественным оценкам.

Сегодня наше общество пытается ответить на вопрос о том, как наиболее эффективно выстроить взаимоотношения церкви, общества и власти с учетом приобретенного исторического опыта. В обществе идут дискуссии о способах взаимодействия церкви и государства, пределах участия церкви в политической жизни, ее миссии в условиях нравственного релятивизма. К настоящему времени еще не накоплен достаточный

исторический опыт функционирования современной (постсоветской), в своей основе отделительной, системы государственно-церковных отношений. Но мы имеем большой опыт советской модели отделения церкви от государства. Безусловно, ярко выраженная политика атеизма ограничивала эти взаимоотношения, но другого опыта у нас еще не наработано. В связи с этим огромное значение приобретают анализ, осмысление и критическое использование, с учетом современных реалий, исторических уроков конституционно-правового регулирования взаимоотношений церкви, общества и власти. Статья посвящена одному из малоизученных аспектов взаимоотношений региональных органов с владикавказским священством в 1920-1930-е гг. Впервые в научный оборот вводятся ранее закрытые архивные источники.

Под молот «пролетарского суда» попали интеллигенты, колхозники, кадровые офицеры, рабочие, единоличники, грамотные и неграмотные, профессиональные революционеры и беспартийные. Лозунг об обострении классовой борьбы в процессе строительства социализма находил реальное претворение.

Священство также классифицировалось как оппозиционное советской власти и подлежало ущемлению.

Первой жертвой нового режима стал Преосвященный Макарий. Смелые выпады против советской власти в годы гражданской войны оказались для Макария роковыми. Когда на территории Терской Республики вновь стали действовать законы советской России, ему напомнили о поклонении «белому генералу» Деникину, забыв о его прежних заслугах. Прошло публичное слушание «дела епископа Макария»: «10 октября Терский областной ревтрибунал слушал дело по обвинению епископа Владикавказского и Моздокского Макария (Михаила Михайловича Павлова) в контрреволюции и в соучастии в сокрытии мануфактуры, серебра и других предметов в церкви. Совершил следующие преступления: 1. Во время приезда генерала Деникина в Кафедральном соборе говорил ему приветственную речь. 2. Распространял листовки. Обращаясь к молодежи, развращал население политически и толкал его на борьбу против рабочих и крестьян. 3. Соучаствовал в сокрытии 271 аршина мануфактуры, много серебра». Только благодаря заступничеству влиятельных лиц и преклонному возрасту приговор Макарию смягчили: ссылка в Пермскую губернию без права возвращения во Владикавказ [1].

Допускались оскорбительные выпады в адрес служителей культа и верующих. В 1920-е годы вслед за центральными органами Общества безбожников местные власти начали «охоту на ведьм». В 1923 г. газета «Горская правда» опубликовала ряд обличительных статей о деятельности епископа Малиновского, «уличенного» неизвестным «доброжелателем» в пьянстве, участии в азартных играх, «поведении, которое не к лицу не только епископу, но и простому пресвитеру» [2]. В местной печати широко освещался суд над диаконом Владикавказской Петропавловской церкви П.С. Ткаченко. Его обвинили в развратных действиях, несовместимых с саном. В газете «Власть труда» этот процесс получил политическую окраску, стал показательным, «открывающим целый ряд эпизодов из жизни белого и черного духовенства» [3].

Напомнили священству его роль в антисоветских выступлениях. В 1927 г. общественное внимание привлек процесс по делу руководителей общины е.д.х. Шевцова и Ефремова. Им вменялось в вину не только нехристианское поведение (пьянство, разврат), но главным образом – «антисоветская контрреволюционная деятельность» [4].

Многие из служителей культа были лишены избирательных прав. Лишение избирательных прав по социальному признаку, введенное Конституцией 1918 г., рассматривалось изначально партийно-государственным руководством в качестве временной меры, связанной с защитой завоеваний революции. Главной ее целью было устранение экономически самостоятельных и авторитетных в дореволюционном обществе людей от участия в активной политической жизни. Постепенно лишение избирательных прав превратилось в мощный инструмент изменения социальной среды. Например, с 23 августа 1924 г. по 1 октября 1925 г. по статье 65 п. «Г» было лишено избирательных прав 65 монахов и других служителей культа [5]. Действия местных властей в отношении социальных ограничений для лишенцев основывались на нормах и требованиях российских и союзных законов. Тем не менее обычным делом были и перегибы: городские и районные советы накладывали на лишенцев дополнительные ограничения, чаще всего это выражалось в ограничении прав членов семей священнослужителей. Так, в Президиум Владгорсовета поступила жалоба Коцовой Тамары – дочери священника. Она была лишена

избирательных прав «как иждивенка отца-священника». Несмотря на то, что девушка стала социально полезным гражданином, т.к. работала, Президиум принял решение отказать в просьбе [6].

Наиболее тяжелыми для лишенцев были ограничения экономического характера – недопущение на высокооплачиваемую работу, лишение пенсий, а также иных пособий и льгот, увеличение налогового бремени. Из-за этого многие лишенцы оказывались на грани выживания.

Сами лишенцы тяжело переживали ограничения в своем социальном статусе.

Некоторые решительно порывали со своим прошлым, сообщая об этом через местную печать: «Я, диакон обновленческой Апшеронской церкви, Митряев Александр Афанасьевич, перед лицом трудящихся города Владикавказа, через газету «Власть труда» отрекаюсь от своего диаконского сана и от церкви вообще... Хочу быть человеком полезным и трудолюбивым гражданином Советской Республики и я им буду!» [7].

Другие пытались восстановить справедливость, апеллируя к властям. Так, на заседании Владикавказской окружной избирательной комиссии по перевыборам в горсовет рассматривались заявления граждан об исключении из списков лишенных избирательных прав (пункт «Г» ст. 69 Конституции) – Дзахоева Михаила, Коцоева Моисея, Беленького, Халина, Королева и других «бывших» [8]. Как показывают их жалобы и ходатайства, многие, особенно молодые, добивались восстановления в избирательных правах именно для того, чтобы почувствовать себя вновь полноценным членом общества.

Тщательные проверки жалоб и заявлений иногда приносили положительные результаты: лишенцы, доказавшие свою лояльность к советской власти, оказывались полноценными гражданами страны. Так, на очередном заседании Владикавказской избирательной комиссии из списков лишенцев были исключены Халин Д.И., бывший «служитель религиозного культа как сбросивший сан диакона в 1920 г. и с того времени непрерывно служащего советской власти» [9]; Солнцев П.Е. «как живущий на трудовой доход, несущий общественно-полезную работу» [10]. В то же время зорко следили за тем, чтобы лишенец прочувствовал всю тяжесть своего положения и не претендовал на скорое восстановление в правах: «Гр. Новоятлову И.А., бывшему пресвитеру общины духовных христиан-молокан, в ходатайстве о восстановлении в правах отказать как недавно освободившемуся от этой должности» [11]; а бывшего священника Королева Г.М. не только не восстановили в правах, но и продлили этот срок «как бывшему офицеру и священнику» [12].

Поскольку статьи, предусматривающей наказание за веру в Бога, в советском Уголовном кодексе не значилось, то людей, преследуемых за религиозность, осуждали по другим статьям (пресловутая 58 – антисоветская деятельность, враждебная агитация, шпионаж), и по уголовным, и по бытовым (незаконный промысел, спекуляция).

Весьма печальна судьба осетинского священника Х.Д. Цомаева. Цомаев Харлампий (Хазрет) Дмитриевич, 1875 г.р. – выпускник Ардонской духовной семинарии – ряд лет служил в Церкви Рождества Богородицы в г. Владикавказ. С 1905 г. являлся благочинным церковью 10-го благочинного округа Владикавказской епархии. С 1910 по 1925 г. служил священником церкви Верхне-Осетинской слободки. В 1919 г. получил чин протоиерея. В годы гражданской войны спас от расстрела нескольких керженистов, захваченных полковником Беликовым [13]. В 1925 г. снял с себя сан священника, активно сотрудничал с Наробразом и издательствами местных газет, занялся переводческой деятельностью, им переведено 19 книг (среди них «Герой нашего времени», «Человек в футляре», «Десять дней, которые потрясли мир» и т.д.). Несмотря на лояльность к новой власти, он был лишен избирательных прав как бывший священник: «Принимая во внимание, что общественно-полезная работа гр. Цомаева Х. фактически начата им с конца 1925 г., т.е. с момента снятия с себя сана священника, и что в данном случае стаж его общественно-политической работы в государственных и советских учреждениях небольшой, – говорилось в решении заседания Северо-Осетинской избирательной комиссии, – в просьбе о восстановлении отказать» [14]. После долгих разбирательств 18 декабря 1925 г. он был восстановлен в избирательных правах. Однако уже в начале 1927 г. вновь стал лишенцем и лишь после вмешательства видных партийных деятелей восстановлен. Первый раз был привлечен к уголовной ответственности в 1933 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду, т.е. по ст. 58-10 УК РСФСР и, просидев 10 месяцев под следствием, был судом оправдан. Второй раз Цомаев был арестован 10 сентября 1936 г. ОО УГБ УНКВД по СОАО за «контрреволюционную

деятельность в Севосетиноблнациздательстве». Осужден Орджоникидзевым Крайсудом по Спецколлегии 29 апреля 1937 г. по ст. 58-10 ч.1. УКРСФСР к 10 годам лишения свободы. 28 декабря 1937 г. по постановлению Тройки НКВД СОАССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 29 декабря 1937 г. [15].

По постановлению Верховного суда СОАССР от 12 ноября 1955 г. Х.Д. Цомаев реабилитирован.

Очередной жертвой продуманной акции в отношении католического духовенства стал глава римско-католической общины Владикавказа.

Ксендз римско-католической общины А.К. Червинский был арестован 2 декабря 1936 года и обвинен в создании и руководстве «контрреволюционной, фашистской, националистической и террористической группировкой». По приговору Военного трибунала от 1 ноября 1937 года был осужден к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества. 27 мая 1958 года Военной коллегией Верховного суда он был реабилитирован [16]. По делу проходили также Э.К. Червинская, И.И. Рот – служитель религиозного культа римско-католического вероисповедания, Б.К. Блехман, В.С. Обухович – органист римско-католического костела. В приговоре сказано: «Подсудимый Рот И., являясь по своим убеждениям противником Советской власти, связался с агентурой фашистско-шпионских организаций одного иностранного государства. Занимался шпионской деятельностью» [17].

Аналогичный процесс был возбужден против проживавших во Владикавказе греков. 16 декабря 1937 года арестована группа владикавказских греков, среди них – директор греческой школы Ф.Д. Левантидис, священник греческой церкви А.С. Какулиди. За недоказанность обвинения в организации контрреволюционной шпионской деятельности священник был освобожден и эмигрировал с семьей на родину в Грецию [18].

В середине 1930-х гг. по стране прошло несколько громких политических процессов, связанных с разоблачением «шпионской деятельности» немецких поселенцев. Под флагом «борьбы с фашизмом» тоталитарный режим начал мощное наступление на всякое проявление национальной специфики: начались преследования на религиозной почве, вводились запреты на национальные традиции и т.д.

Были репрессированы лютеранские пасторы, в том числе и во Владикавказе–Орджоникидзе. В обвинительном заключении по делу лютеранских пасторов Юргенса и Геросянца было отмечено, что они широко применяли следующие тактические приемы: «широкое использование в контрреволюционных целях евангелическо-лютеранских религиозных общин; активное привлечение к антисоветской работе руководителей этих общин и религиозного актива; стремление оторвать немецкую молодежь из-под влияния комсомольских организаций и втянуть ее в религиозные общины...» [19].

В конце 1920-х гг. набирал силу и процесс репрессий среди мусульманских религиозных деятелей. В этот период было сфабриковано несколько политических дел, проводившихся отработанными ранее методами. Большинство священнослужителей было репрессировано в частном порядке, обвинения предъявлялись не за какие-либо конкретные действия, а в основном за антисоветские высказывания.

К октябрю 1939 года в стране осталось всего несколько десятков церковных иерархов, основная масса духовенства была отстранена от богослужений, значительная часть – репрессирована.

И все же РПЦ и другие религиозные конфессии России выстояли – за счет компромиссов и подчинения властям, исполнения властной воли. В церкви также изменили методы работы среди населения. Старый архиерей был заменен более активным, который выступает в церквях с докладами. После службы он выносит «от имени Москвы и Ростова благодарность верующим за посещение церкви» и предлагает молиться за людей, не посещающих храм. Из духовной академии стали специально приезжать студенты, которые выступали с докладами на тему: «Может ли современный интеллигент верить в божество Иисуса Христа».

Заключение. Итак, в 20–30-х годах XX века, по сути, формировались новый строй, экономика, политика и идеология. Марксистско-ленинские идеологические постулаты должны были вытеснить устоявшийся религиозный менталитет. Предполагалось в короткое время изменить мировоззрение не только молодых, но и зрелых людей, воспитанных на религиозных догматах. Большевики активно пытались внедрить в сознание людей пролетарскую революционную идеологию, пусть даже карательными мерами. Странное

совпадение: в X веке князь Владимир огнем и мечом крестил Русь, в XX веке большевики огнем и мечом выжигали христианство из сознания своих сограждан.

Владикавказская епархия переживала самые страшные времена. Храмы не просто закрывались (что давало, пусть даже слабую, надежду на их возрождение), их разрушали, из стройматериалов строились партийные учреждения, детские сады, промышленные здания и т.д. Владикавказское священство подверглось репрессиям, паства практически осталась без наставников, на этой почве произрастало сектантство.

Примечания:

1. Коммунист, 1920, 13 окт.
2. Горская правда, 1923, 1, 14 нояб.
3. Власть труда, 1927, 9 июля.
4. Власть труда, 1927, 17 окт.
5. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 1. Л. 80–83.
6. ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 28. Л. 59.
7. Власть труда, 1928, 12 окт.
8. ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 9. Л. 95.
9. ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 9. Л. 335.
10. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 23. Л. 147.
11. ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 25. Л. 430.
12. ЦГА РСО-А. Ф. Р-47. Оп. 2. Д. 9. Л. 394.
13. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее – НА СОИГСИ). Фонд «Филология». Оп. 1. Д. 609. Л. 13.
14. НА СОИГСИ. Ф. 1. Д. 610. Л. 14.
15. НА СОИГСИ. Ф. 1. Д.Д. 610, 611, 613.
16. В 2001 г. в Новосибирске по инициативе католической церкви отмечался Всероссийский день памяти мучеников XX века. Среди тех, кто рекомендован к беатификации (прославлению), и Антоний Червинский. Северная Осетия. 2000, 1 дек.
17. Материал предоставлен прихожанами С. и Э. Басиевыми.
18. Шахбазов В.А. Греки Владикавказа. Мин-Воды, 1999. С. 129.
19. Терещенко А.Г., Черненко А.Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Ростов/Д., 2003. С. 172; ЦГА РСО-А. ИПД. ФП. 1. Оп. 4. Д. 806. Л. 1–2.

References:

1. Kommunist, 1920, 13 okt.
2. Gorskaya pravda, 1923, 1, 14 noyab.
3. Vlast' truda, 1927, 9 iyulya.
4. Vlast' truda, 1927, 17 okt.
5. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-Alaniya (dalee – TsGA RSO-A). F. R-223. Op. 1. D. 1. L. 80–83.
6. TsGA RSO-A. F. R-47. Op. 2. D. 28. L. 59.
7. Vlast' truda, 1928, 12 okt.
8. TsGA RSO-A. F. R-47. Op. 2. D. 9. L. 95.
9. TsGA RSO-A. F. R-47. Op. 2. D. 9. L. 335.
10. TsGA RSO-A. F. R-56. Op. 2. D. 23. L. 147.
11. TsGA RSO-A. F. R-47. Op. 2. D. 25. L. 430.
12. TsGA RSO-A. F. R-47. Op. 2. D. 9. L. 394.
13. Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (dalee – NA SOIGSI). Fond «Filologiya». Op. 1. D. 609. L. 13.
14. NA SOIGSI. F. 1. D. 610. L. 14.
15. NA SOIGSI. F. 1. D.D. 610, 611, 613.
16. V 2001 g. v Novosibirskе po initsiative katolicheskoi tserkvi otmechalsya Vserossiiskii den' pamyati muchenikov KhKh veka. Sredi tekh, kto rekomendovan k beatifikatsii (proslavleniyu), i Antonii Chervinskii. Severnaya Osetiya. 2000, 1 dek.
17. Material predostavljen prikhozhanami S. i E. Basievymi.
18. Shakhbazov V.A. Greki Vladikavkaza. Min-Vody, 1999. S. 129.
19. Tereshchenko A.G., Chernenko A.L. Rossiiskie nemtsy na Yuge Rossii i Kavkaze. Rostov/D., 2003. S. 172; TsGA RSO-A. IPD. FP. 1. Op. 4. D. 806. L. 1–2.

UDC 94

**Soviet Government and Repressions against Priests in Vladikavkaz
(1920-1930s)**

Svetlana A. Khabulova

North Ossetian State University, Russia
Named after K. L. 46 Vatutina Str, Vladikavkaz 362025
Doctor of History, PhD
E-mail: hubul@yandex.ru

Abstract. The article deals with a repressive character of interrelations between the Soviet Government and Priesthood in Vladikavkaz in 1920-30s. The Church and the Believers experienced the most tragic time when the totalitarian regime came into being in the country in 1920-1930s. The author has proved that the clergy and believers considered by Authorities as a hotbed of opposition and dissidence were subjected to prosecutions. The prosecutions against the Church paved the way for a new political regime, bringing about fear, snitching and spy mania. The human values were replaced by new regime values, the national identity was destroyed and thousands of believers were eliminated.

As a result, a good number of cultural values was destroyed. The major part of Russian Intelligentsia was kicked out of the country and deprived of their rights to vote. However, people have managed to preserve religion despite the anti-Church prosecutions of 1920–1930s.

It is concluded that that the Soviet Authorities tried to influence on the Church through juridical regulations. Besides, the history of repressions towards the religious communities in Vladikavkaz has been traced.

Keywords: justice; religion; priest; arrest.